

Образовательная миграция в Республике Мордовия

А. В. Дождиков

*Независимый исследователь (г. Москва, Российская Федерация)
antondnn@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Молодежная образовательная миграция – ключевой фактор, влияющий на кадровый потенциал региона. Цель статьи – по материалам проведенного исследования выявить специфику молодежной образовательной миграции Республики Мордовия, определить складывающийся тип миграции в сравнении с другими регионами, сформулировать предложения для нужд регионального развития.

Материалы и методы. Эмпирическую основу статьи составляют демографические данные по межрегиональной миграции за 2017–2021 гг. в разрезе возрастов (17–27 лет), базы «образовательных данных» по результатам Единого государственного экзамена и приема в вузы абитуриентов. Используются общестатистические методы и подходы, проведена обработка и визуализация данных в сводных таблицах и диаграммах, задействованы прикладные программные средства и библиотеки языка Python – numpy, pandas, matplotlib, позволившие выделить показатели миграции применительно к региону, провести их анализ, наглядно представить параметры образовательной миграции.

Результаты исследования. Установлено, что до недавнего времени Республика Мордовия относилась к регионам-донорам образовательной молодежной миграции. Однако с 2018–2020 гг. наблюдается тренд к переходу на позиции «транзитного» региона: сальдо миграции 20–22-летних и старших возрастов отрицательно, но 17–19-летних – положительно. Выявлены направления и пропорции образовательной миграции в отношении всего контингента выпускников и отдельных категорий. Выдвинуты предположения и гипотезы для последующей проверки на всей генеральной совокупности («больших данных») абитуриентов по Российской Федерации.

Обсуждение и заключение. Объективные условия «постковидной» реальности и внешние ограничения в плане образовательной миграции могут существенно повысить роль регионов. Достижение «балансового» состояния с компенсацией выбывающей миграции, сохранением и обновлением человеческого капитала представляется возможным. Данные по образовательной миграции по региону, принципы анализа и выводы будут полезны как исследователям в сфере data science, миграционных процессов, социологии образования, так и органам управления образованием и социальной сферы для корректировки прогнозов и проектов регионального развития. Аналогичное исследование может быть проведено для других регионов Российской Федерации в сопоставлении с выявленными в Республике Мордовия трендами и закономерностями.

Ключевые слова: образовательная миграция в России, молодежная миграция в России, распределение абитуриентов региона по когортам успешности, качество образования в регионе, миграционная привлекательность Республики Мордовия, причины образовательной миграции

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Дождиков А. В., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Дождиков А. В. Образовательная миграция в Республике Мордовия // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 1. С. 182–198. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.182-198>

Original article

Educational Migration in the Republic of Mordovia

A. V. Dozhdikov

Independent researcher (Moscow, Russian Federation)

antondnn@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the actual problem of youth educational migration – a key factor influencing the personnel potential of the region. The purpose of the article is to identify the specifics of youth educational migration from the Republic of Mordovia, to determine the emerging type of migration in comparison with other regions, and to formulate proposals for the needs of regional development.

Materials and Methods. The empirical basis of the article is demographic data on interregional migration for 2017–2021 in the context of ages (17–27 years old), databases of “educational data” based on the results of the Unified State Examination and admission to universities of applicants. General statistical methods and approaches were used, data processing and visualization in the pivot tables and charts was carried out, application software and libraries of the Python language (numpy, pandas, matplotlib) were used. The tools made it possible to identify migration indicators in relation to the region, analyze them, and visualize the parameters of educational migration.

Results. It has been established that until recently the Republic of Mordovia was a donor region for educational youth migration. However, since 2018–2020, there has been a trend towards the transition to the position of a “transit” region: the balance of migration of 20–22 year olds and older is negative, but the balance of migration of 17–19 year olds is positive. The directions and proportions of educational migration have been established in relation to the entire contingent of graduates and certain categories. A number of assumptions and hypotheses are put forward for subsequent verification on the entire general population (“big data”) of applicants in the Russian Federation.

Discussion and Conclusion. The objective conditions of the “post-COVID” reality and external restrictions in terms of educational migration can significantly increase the role of regions. Achieving a “balance” state with compensation for outgoing migration, the preservation and renewal of human capital seems possible. The data on educational migration by region, principles of analysis and conclusions will be useful both for researchers in the field of data science, migration processes, the sociology of education, and for educational and social authorities to adjust forecasts and regional development projects. A similar study can be carried out for other regions of the Russian Federation in comparison with the trends and patterns identified in the Republic of Mordovia.

Keywords: educational migration in Russia, youth migration in Russia, admission to universities in other regions from the Republic of Mordovia, distribution of applicants in the region by success cohorts, quality of education in the region, migration attractiveness of the Republic of Mordovia, reasons for educational migration

Conflict of interests. The author declares that there is not conflict of interest.

For citation: Dozhdikov A.V. Educational Migration in the Republic of Mordovia. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(1):182–198. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.182-198>

Введение. Современные взгляды на проблему «образовательной миграции» связаны с признанием легальности такой миграции [1, с. 68] и определением ее цели [1, с. 73]. В данном исследовании мы будем рассматривать сначала миграцию молодежи – мобильной части общества [2, с. 95]. Трудности при разработке данной темы обусловлены сложностью в выделении именно образовательной миграции на фоне миграции молодежи. Нерешенные вопросы связаны с объективными и достоверными данными по образовательной миграции.

Предмет исследования ограничен молодежной образовательной миграцией. Общие демографические показатели рассматриваются на срезах 17–27 лет.

Конкретные показатели образовательной миграции связаны с данными 2020 г. по результатам ЕГЭ и поступления в вузы.

Исследовательская гипотеза связана с изменением характеристик образовательной молодежной миграции и межрегиональной миграции в целом в связи с происходящими радикальными сдвигами в социально-экономической и демографической сфере: пандемия COVID-19 и ее последствия, внешние ограничения могут дать как толчок развитию регионов, так и послужить причиной ухудшения положения. В 2020–2021 гг. миграционной катастрофы, роста межрегиональной миграции, как предсказывал Moody's¹, не произошло, поскольку показатели 2020 и 2021 гг. свидетельствуют скорее о сокращении объема миграционных потоков.

Практическая значимость исследования связана с тем, что в ближайшем будущем закономерное [3] изменение структуры экономики в направлении цифровизации [4] и смена структуры занятости и рынка труда [5], экономические и социальные выгоды [6] смогут скорректировать миграционные процессы, связанные с получением образования. В этих условиях регионы, которые первыми предложат для новых «цифровых кочевников» [7; 8] разных возрастов высокое качество жизни при минимальных затратах, качество и доступность образования, смогут превратиться как минимум в «транзитные» регионы.

Цель статьи – на основе проведенного исследования определить текущий статус Республики Мордовия и параметры молодежной образовательной миграции в регионе.

Современная межрегиональная миграция носит более сложный характер, чем доминировавшая ранее модель «периферия – центр» или «хора – мегаполис». В рамках данного исследования выделено несколько категорий:

– «регионы-доноры» образовательной миграции – территории с невысоким уровнем инновационного и социально-экономического развития и низким качеством образования;

– «регионы-акцепторы» образовательной миграции – с высоким качеством жизни и развитой экономикой;

– «транзитные регионы» – территории, где наблюдается миграционный приток в категории 17–19 лет (получение высшего образования) и отток в категории 20–22 лет (окончание обучения в СПО и вузе) с умеренным оттоком после 22 лет;

– «сбалансированные регионы» – территории с миграционным притоком, компенсирующим отток молодежи.

Обзор литературы. Сравнительный анализ российских и иностранных публикаций свидетельствует об изучении проблемы миграции на теоретическом уровне, исходя из таких концепций, как «глобальная деревня» М. Маклюэна², «сетевое общество» Я. Ван Дейка [9] и М. Кастельса³. Многие из «законов Э. Г. Равенштейна»⁴ справедливы и сейчас.

Э. С. Ли сосредоточил внимание на факторах притяжения и отталкивания мигрантов за счет «вмешивающихся препятствий»⁵. Далее мы подходим

¹ Курмышкина О. Н. Возрастные и гендерные особенности региональной миграции (на примере Республики Мордовия) // Современное общество в условиях социальной неопределенности: теория и практика : VIII Дильновские чтения. Саратов : Саратовский источник, 2021. С. 300.

² Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. 2-е изд. М. : Академический Проект, Гаудеамус, 2013. 496 с.

³ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева, под ред. В. Харитоновой. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. 328 с.

⁴ Ravenstein E. G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. Vol. 48, no. 2. Pp. 167–235. doi: <https://doi.org/10.2307/2979181>

⁵ Everett S., Lee A. Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3, no. 1. Pp. 47–57. doi: <https://doi.org/10.2307/2060063>

к идее «многоэтапной миграции», когда мигрант некоторое время пребывает на «транзитной территории» для преодоления «вмешивающихся препятствий» Эверетта.

В плане образовательной миграции ситуация несколько более сложная, данный процесс имеет больше стадий: достижение промежуточных целей, корректировку основой (изначальной) цели. В перспективе миграция может стать перманентным состоянием. Современные исследования международной миграции Казахстана [10], Вьетнама [11] отмечают интерес образовательных мигрантов к смене места жительства уже на постоянной основе и дальнейшей миграции с полученными дипломами и знаниями. Что характерно и для развитых стран: в среднем завершение высшего образования увеличивает вероятность внутренней миграции почти в 3 раза (менее чем в 1,5 раза – для среднего образования) [12]. Аналогичная ситуация может наблюдаться и для российских абитуриентов и выпускников, но уже внутри страны («западный дрейф»).

Для изучения вопросов миграции актуальны: экономическая теория миграции (О. Старк⁶, Д. Массей⁷), в рамках которой решения о миграции принимаются не взятыми отдельно индивидами или семьями, а большими группами взаимосвязанных людей; теория сегментированного (двойного) рынка труда М. Пиоре⁸ со стабильным спросом именно на труд мигрантов; ставшая уже классической теория мировых систем И. Валлерстайна [13] с разделением мира на «периферию» и «центр», теория миграционных сетей Д. Массея⁹, являющихся движущей силой перемещений масс, подходы других исследователей [14].

Уже модель Валлерстайна вводит различия и определенную иерархию «мир-системы», в которой достаточно четко выделяются привилегированное «ядро», «полупериферия» и эксплуатируемая и дающая ресурсы «периферия» [15, с. 49]. Это направление было дополнено и доработано Д. Норт¹⁰, одним из создателей модели транзакционной экономики. Отдельно можно выделить экономиста из Швеции Д. Андерссона, сформулировавшего идею мегаполисов – «ворот в глобальный мир»¹¹ как центров транзакционной и инновационной экономики, мест концентрации богатства, которые являются привлекательными «целями» для миграции.

На смену транзакционной модели экономики [16, с. 42], возможно, придет «посттранзакционная», или «нейросетевая», модель, связанная с big data, people data, знаниями, когнитивными, аналитическими и коммуникативными компетенциями, инновациями и услугами.

По итогам проведенного обзора можно установить совпадение мотивации в межрегиональной и межстрановой миграции, имеющей преимущественно экономическую основу, тренд на «многоэтапность» миграции, наличие «транзитных» территорий. Необходимо также отметить имеющуюся систему кластеризации регионов по типу образовательной миграции молодежи [17, с. 22].

⁶ Stark O., Bloom D. E. The New Economics of Labor Migration // American Economic Review. 1985. Vol. 75, no. 2. Pp. 173–178.

⁷ Theories of International Migration: A Review and Appraisal / D. S. Massey [et al.] // Population and Development Review. 1993. Vol. 19, no. 3. Pp. 448–449. doi: <https://doi.org/10.2307/2938462>

⁸ Piore M. J. Birds of Passage. Migrant Labor and Industrial Societies. Cambridge University Press, 1979. 240 p. doi: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511572210>

⁹ Population and Development Review / D. S. Massey [et al.] // Population and Development Review. 1993. Vol. 19, no. 3. Pp. 431–466. doi: <https://doi.org/10.2307/2938462>

¹⁰ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. А. Н. Нестеренко. М., 1997. 190 с.

¹¹ Андерссон А., Андерссон Д. Ворота в глобальную экономику / пер. с англ.; под ред. В. М. Сергеева. М. 2001. 440 с.

По российским источникам прослеживается малое использование исследователями количественных данных собственно по образовательной миграции в связи с результатами ЕГЭ. В настоящей статье эти данные по направлениям миграции и поступлению в вузы применительно к Республике Мордовия вводятся в научный оборот впервые.

Материалы и методы. Базовый метод исследования связан с анализом статистических данных. Для обработки и визуализации данных по миграции в рамках стандартных программных средств применялись сводные таблицы и диаграммы Excel и функции агрегирования.

В выводах по демографическим показателям используются «витрины данных» Федеральной службы государственной статистики: «Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения»¹² и «Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения»¹³. В статье данные представлены с 2017 по 2021 г. включительно. Однако показатель межрегиональной миграции не тождественен «образовательной миграции», так как указаны миграционные показатели без выделения причин, побудивших к миграции [18, с. 279].

О качественном составе и характеристиках образовательных мигрантов из Республики Мордовия могут свидетельствовать результаты ЕГЭ и поступления в вузы¹⁴, разработанные в рамках проекта¹⁵, посвященного применению методов data science.

В исследовании учтены 4 категории выпускников:

- поступившие выпускники – вся совокупность обучающихся, сдававших ЕГЭ в 2020 г. на территории и зачисленных в вузы;
- медалисты – окончившие школу с золотой или серебряной медалями;
- олимпиадники – победители олимпиад, дающих льготы при поступлении в вузы;
- высокобалльники – выпускники, набравшие свыше 81 балла хотя бы по одному предмету.

В количественном плане указанные базы предлагают деперсонифицированные данные по 2 284 абитуриентам 2020 г.¹⁶.

Предварительная обработка данных осуществлялась в среде Anaconda (надстройка для языка Python и встроенных библиотек numpy, pandas, matplotlib), что позволило вычлнить данные из общего массива применительно к Республике Мордовия, с распределением по категориям выпускников, направлениям миграции (регионам, вузам). Визуализация обработанных данных через формат

¹² Витрина статистических данных Росстата / 23320000100010200001 Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения [Электронный ресурс]. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278008/> (дата обращения: 22.08.2022).

¹³ Витрина статистических данных Росстата / 23320000100020200001 Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения [Электронный ресурс]. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278006/> (дата обращения: 22.08.2022).

¹⁴ Базы данных: Выбор выпускников 2019 и 2020 годов учебных предметов для сдачи на ЕГЭ в тендерном разрезе в зависимости от субъекта РФ: № 2021620834 : заявл. 28.04.2021 : опубл. 13.05.2021 / Е. Ю. Малеванов, А. В. Дождиков, Е. В. Корнилова, А. Д. Иванов; Направление миграции выпускников-высокобалльников ЕГЭ по русскому языку из субъектов Российской Федерации для получения высшего образования : № 2022621165 : заявл. 26.05.2022 : опубл. 17.06.2022 / А. В. Дождиков, Е. В. Корнилова, А. Д. Иванов.

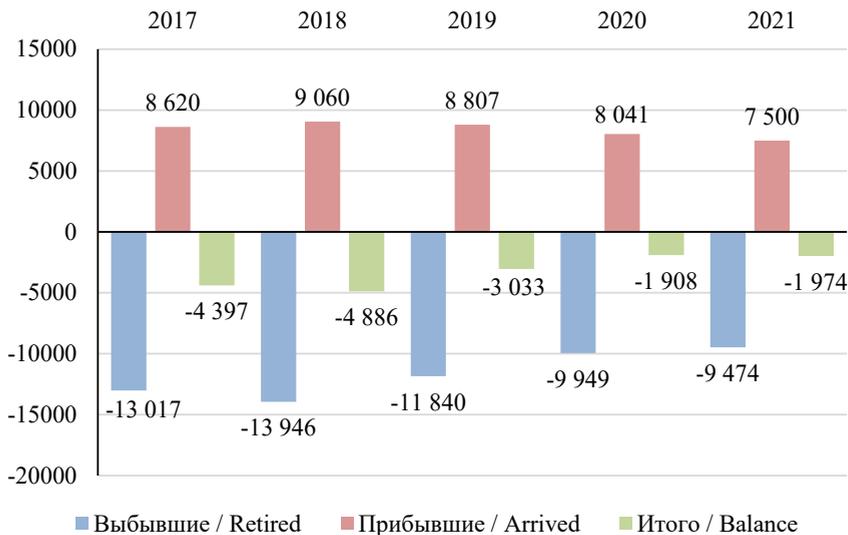
¹⁵ Регистрационный номер НИОКТР: 122020100515-5. Дата регистрации 1 февраля 2022 г.

¹⁶ Указанное количество меньше общего числа сдававших ЕГЭ в Республике Мордовия в 2020 году, так как учитывается только категория «в приказе на зачисление». Также не указаны выпускники прошлых лет, сдававшие ЕГЭ в 2020 г. Всего за 2020 г. в базе данных отмечено 3 075 записей, при том что сдавать ЕГЭ в Мордовии в 2020 г. планировали 3 294 выпускника (См: В Мордовии ЕГЭ намерены сдавать 3 294 выпускника [Электронный ресурс] // MordovMedia.ru. URL: <https://www.mordovmedia.ru/news/society/item/85706/> (дата обращения: 22.08.2022)).

csv выполнялась в стандартной оболочке Excel для простоты верстки и последующего редактирования. Основной аналитический метод исследования – кластеризация выпускников по образовательным результатам, давший возможность проследить специфику выбора дальнейшей образовательной траектории и направления миграции.

Результаты исследования. В рамках общей миграционной картины Республика Мордовия является регионом с отрицательной миграцией (рис. 1). Отметим некоторую тенденцию к сокращению прироста, оттока и разницы между потоками за 2020–2021 гг.

Р и с. 1. Общая миграция за 2017–2021 гг. по Республике Мордовия, чел.¹⁷
F i g. 1. Total migration for 2017–2021 for the Republic of Mordovia, plp.

Похожую картину мы наблюдаем и в отношении категории 17–27-летних: отрицательная разница между потоками сокращается.

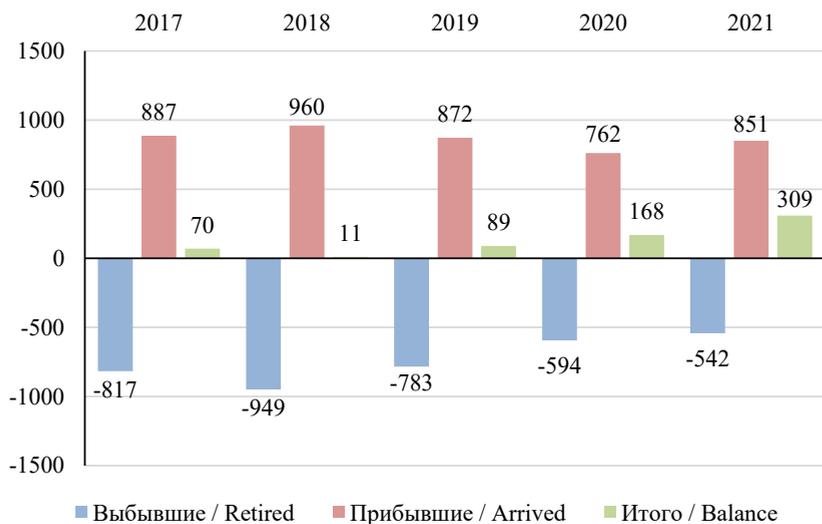
В некоторых исследованиях, касающихся данных за 2018 г. и прошлые периоды, Республику Мордовия относят к регионам с неблагоприятной демографической ситуацией [19; 20]. В целом схожие процессы наблюдаются и в Российской Федерации и странах Европы [21]. В перспективе, несмотря на образовательную миграцию, население Европы продолжит стареть [22].

Если посмотреть на миграционные потоки в разрезе возрастов, ситуация представляется не такой однозначной. Сальдо миграции на рисунке 2 – положительно.

В расчетах указываются данные межрегиональной миграции. В эту категорию не попадают, например, иностранные студенты. Как и в других странах, часть общего миграционного потока может составлять и родительская миграция, которая влияет на образовательные траектории детей [23].

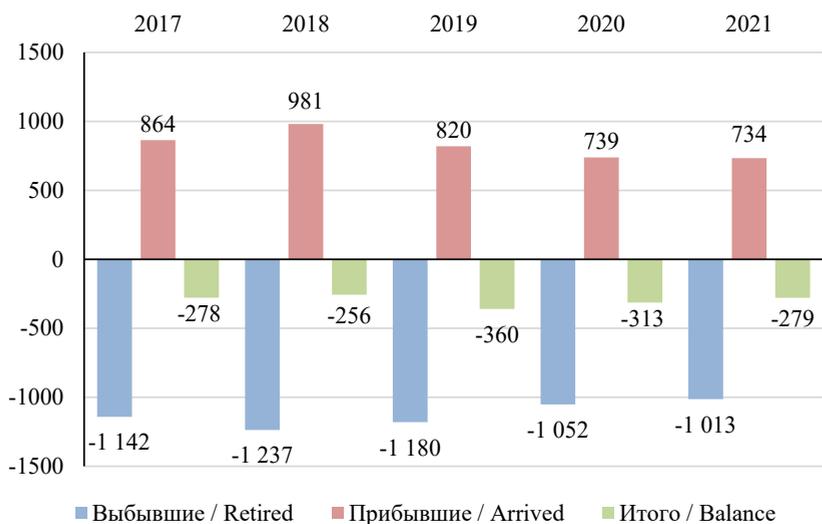
Если рассматривать миграционные показатели по годам, то пик по категории «прибывшие» приходится на 18 лет. Республика Мордовия является привлекательным регионом для 17–19-летних для получения образования. На эту тенденцию накладываются инициативы по увеличению контрольных цифр приема в региональных вузах.

¹⁷Здесь и далее в статье рисунки и таблицы составлены автором.

Р и с. 2. Миграция 17–19-летних по Республике Мордовия, чел.
F i g. 2. Migration of 17–19 year olds in the Republic of Mordovia, plp

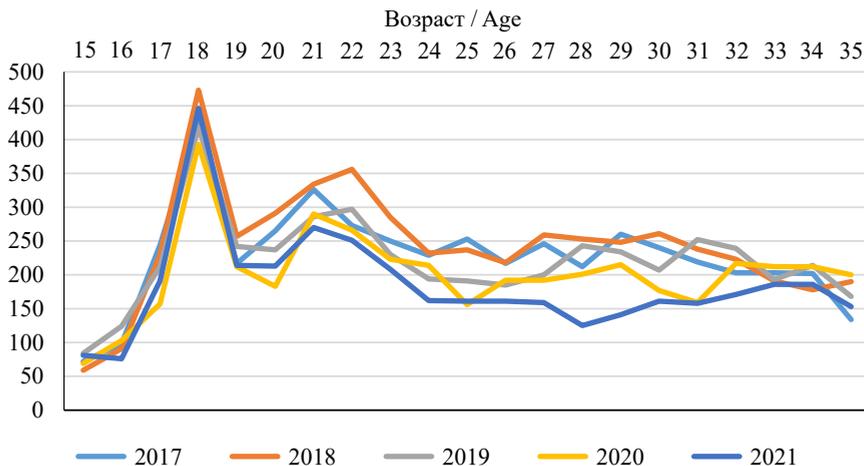
Значительная доля выпускников вузов и системы среднего-профессионального образования покидает регион, что позволяет определить субъект скорее как «транзитный» (рис. 3).

Р и с. 3. Миграция 20–22-летних по Республике Мордовия, чел.
F i g. 3. Migration of 20–22 year olds in the Republic of Mordovia, plp

В доказательство «транзитной» гипотезы приведем миграционные графики для всей молодежной миграции (15–35 лет), на которых четко виден «пик» прибывающей миграции, приходящийся на 18 лет и «пологий пик» так называемой возвратной миграции, когда выпускники вузов возвращаются в Республику из других регионов (рис. 4).

Идея «транзитного» регионального вуза связана с тем, что региональные вузы становятся для центральных университетов донорами студентов [24, с. 42].

Р и с. 4. Прибывающие миграционные потоки 15–35-летних по Республике Мордовия

Fig. 4. Incoming migration flows of 15–35 year olds in the Republic of Mordovia

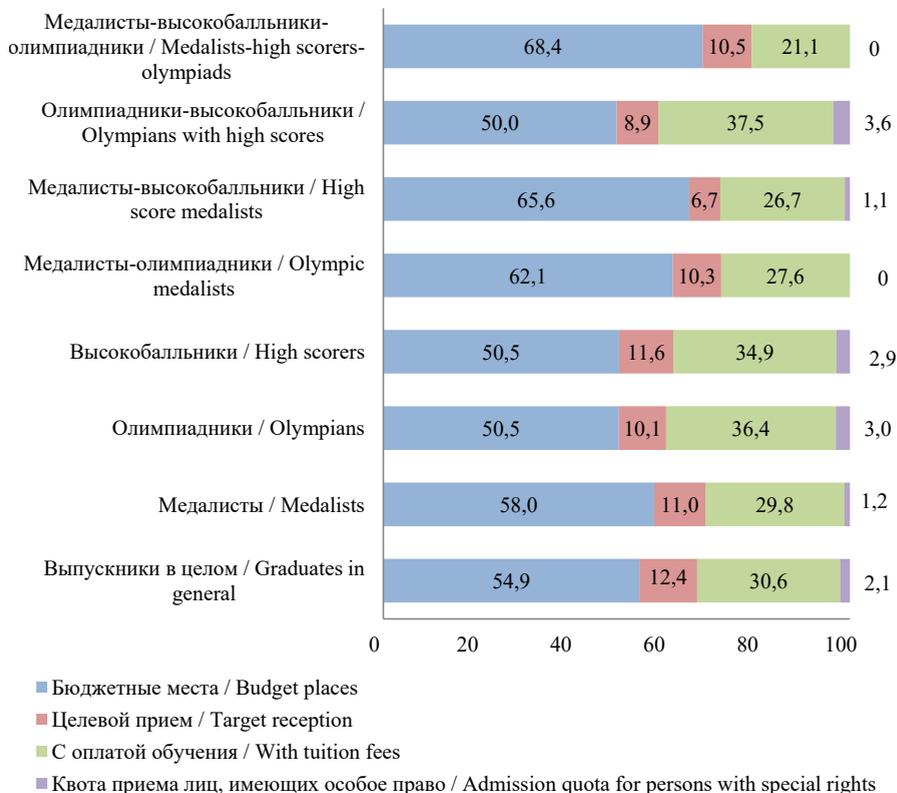
Доноры образовательной миграции 17–19-летних – регионы с невысоким уровнем инновационного развития и индексом качества образования. Позиция «баланса» может быть связана с относительно высоким уровнем социально-экономического развития, наличием качественного образования и крупных статусных вузов. Из регионов Приволжского федерального округа сюда можно отнести Нижегородскую область, которая сама является «донором» для Москвы. К промежуточной категории «баланс – транзит» можно отнести Республику Татарстан с высокими показателями миграции в Москву, хотя сам регион притягивает абитуриентов из соседних регионов, особенно из Республики Башкортостан.

Рассмотрим качественную характеристику мигрантопотока из Республики Мордовия по его составу и направлениям в контексте качества школьного образования, доступности мест, финансовых возможностей семей и доминирующих культурных стереотипов о «престижности» образования (табл. 1).

Таблица 1. Распределение абитуриентов 2020 г. из Республики Мордовия по категориям
Table 1. Distribution of 2020 applicants from the Republic of Mordovia by categories

Категория абитуриентов / Category of applicants	Категория поступления / Entry category				Всего / Total
	Бюджетные места / Budget places	Целевой прием / Target Reception	С оплатой обучения / With tuition fees	Квота приема лиц, имеющих особое право / Admission quota for persons with special rights	
Выпускники в целом / Graduates in general	1 253	283	700	48	2 284
Медалисты / Medalists	148	28	76	3	255
Олимпиадники / Olympians	50	10	36	3	99
Высокобалльники / High scorers	191	44	132	11	378
Медалисты-олимпиадники / Olympic medalists	18	3	8	0	29
Медалисты-высокобалльники / High score medalists	59	6	24	1	90
Олимпиадники-высокобалльни- ки / Olympians with high scores	28	5	21	2	56
Медалисты-высокобалльни- ки-олимпиадники / Medalists-high scorers-olympiads	13	2	4	0	19

Оценим процентное соотношение по разным категориям абитуриентов с учетом их пересечений. Относительные величины более наглядны, хотя необходимо учитывать сопоставимо меньшие абсолютные значения категорий (рис. 5).

Р и с. 5. Распределение категорий абитуриентов по отношению к оплате за обучение, %
 F i g. 5. Distribution of categories of applicants in relation to tuition fees, %

Если в отношении всей совокупности выпускников доля лиц, поступивших на обучение с оплатой, составляет немногим более 30 %, то меньший показатель мы наблюдаем только у медалистов и «пересекающихся» с медалистами категорий. И высокобалльники, и олимпиадники готовы поступать на платное обучение, если это связано с получением именно качественного образования по избранной специальности. Они более всего замотивированы на переезд.

Можно выдвинуть предположение, что победители олимпиад ориентированы на столичные регионы, а высокобалльники склонны к миграции в целом по стране, включая «транзитные» регионы. Происходит отток талантливой молодежи, которая, скорее всего, не вернется обратно [25, с. 185].

Проанализируем выбор вузов абитуриентами. Данные по 15 лидирующим образовательным организациям представлены ниже в рамках таблицы 2.

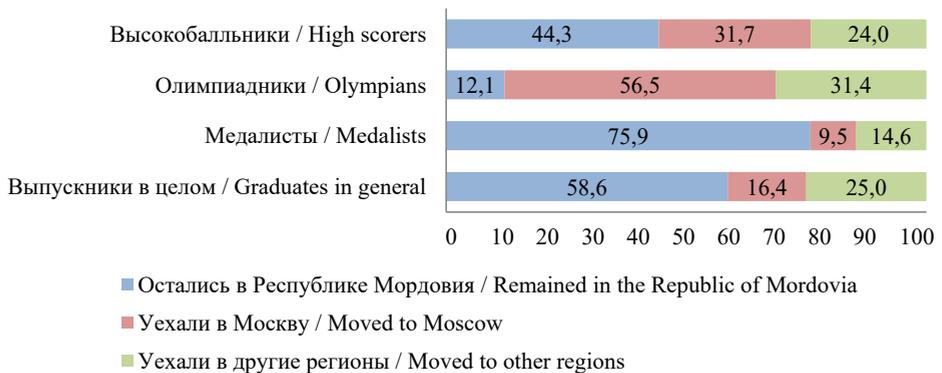
Практически 60,0 % выпускников остались на обучение в Республике Мордовия, уехали в Москву – 16,4, в Нижегородскую область – 7,7, Пензенскую область – 5,1, Санкт-Петербург – 3,9 %. Также отметим Рязанскую область, которую выбрали 2,1 % выпускников, и Республику Татарстан (1,6 % выпускников). Проанализируем отличия по категориям (рис. 6).

Таблица 2. **Топ-15 образовательных организаций в выборе абитуриентов по Республике Мордовия**

Table 2. **Top-15 educational institutions in the selection of applicants in the Republic of Mordovia**

Образовательная организация / Educational organization	Доля выбравших / Share of those who chose, %
МГУ им. Н. П. Огарева / National Research Mordovia State University	41,23
МГПУ им. М. Е. Евсевьева / Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev	11,49
ПГУ / Penza State University	4,28
СКИ – филиал РУК / SCI – branch of Russian University of Cooperation	3,15
СВИ – филиал ВГУЮ (ППА) / Middle Volga Branch, All-Russian State University of Justice	2,52
ННГУ им. Н. И. Лобачевского / National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod	2,41
МИРЭА (РТУ) / MIREA – Russian Technological University	1,27
РУТ (МИИТ) / Russian University of Transport (МИИТ)	1,20
СФТИ – филиал МИФИ / SPTI – branch of National Research Nuclear University МЕРPhI	1,20
Высшая школа экономики / HSE University	0,97
РЭУ им. Г. В. Плеханова / Plekhanov Russian University of Economics	0,93
МЭИ / Moscow Power Engineering Institute	0,86
РАНХиГС / Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration	0,76
К(П)ФУ / Kazan Federal University	0,75
ПИМУ / Privolzhsky Research Medical University	0,70
Другие / Others	26,28

Р и с. 6. Направления образовательной миграции выпускников 2020 г., %

F i g. 6. Directions of educational migration of 2020 graduates, %

У медалистов лидирует МГУ им. Н. П. Огарева (75,9 %), Высшая школа экономики (г. Москва – 6,4, г. Нижний Новгород – 4,5 %). Выпускники-медалисты из Республики Мордовия являются наименее мотивированными к переезду. Возможно, эта категория обучающихся предпочитает «легкий путь», вероятно, по причине большей степени интеграции в местные социальные «сети доверия». Данная аномалия может быть характерна только в отношении Республики Мордовия и нуждается в перепроверке по другим регионам.

У олимпиадников иная картина: лидирует Высшая школа экономики (14,3 %), следом идут МИФИ (14,5), МГПУ им. М. Е. Евсевьева (10,6), РАНХиГС (5,8),

НГПУ им. Козьмы Минина (5,3) и Нижегородский филиал Высшей школы экономики (4,8 %). В числе прочих отметим МИРЭА (РТУ), РЭУ им. Г. В. Плеханова, ПГУАиС (г. Пенза), МФТИ. Свыше половины абитуриентов-олимпиадников едут в Москву. Именно олимпиады являются институциональными инструментами, «обескровливающими» провинции.

Когорта высокобалльников в целом ближе к общей категории выпускников: немногим менее 45 % остаются в Республике Мордовия, свыше 30 % – едут в Москву, однако оставшиеся 24 % распределяются по Российской Федерации и вузам достаточно широко, что говорит о приоритетах именно в отношении направления обучения, а не места обучения (табл. 3).

Таблица 3. **Топ-25 образовательных организаций в выборе абитуриентов-высокобалльников**
Table 3. **Top-25 educational institutions in the selection of applicants with high scores**

Образовательная организация / Educational organization	Доля выбравших / Share of those who chose, %	Регион / Region
1	2	3
МГУ им. Н. П. Огарева / National Research Ogarev Mordovia State University	32,07	Республика Мордовия / Republic of Mordovia
МИРЭА (РТУ) / MIREA – Russian Technological University	4,30	г. Москва / Moscow
Высшая школа экономики / HSE University	4,24	г. Москва / Moscow
МГПУ им. М. Е. Евсевьева / Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev	3,67	Республика Мордовия / Republic of Mordovia
МГУ им. М. В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University	3,42	г. Москва / Moscow
ННГУ им. Н. И. Лобачевского / National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod	3,04	Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region
РНИМУ им. Н. И. Пирогова / Pirogov Russian National Research Medical University	2,59	г. Москва / Moscow
МИФИ / National Research Nuclear University МЕРФН	2,40	г. Москва / Moscow
Нижегородский филиал Высшей школы экономики / HSE University (branch of Nizhny Novgorod)	1,90	Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region
РАНХиГС / Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration	1,83	г. Москва / Moscow
ПИМУ / Privolzhsky Research Medical University	1,71	Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region
МГИМО / MGIMO University	1,64	г. Москва / Moscow
К(П)ФУ / Kazan Federal University	1,58	Республика Татарстан / Republic of Tatarstan
СНИУ имени академика С. П. Королёва / Samara National Research University	1,58	Самарская область / Samara Region
ПГУ / Penza State University	1,45	Пензенская область / Penza Region
РГУ им. Н. И. Губкина / National University of Oil and Gas “Gubkin University”	1,39	г. Москва / Moscow
РЭУ им. Г. В. Плеханова / Plekhanov Russian University of Economics	1,33	г. Москва / Moscow

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3
ИТМО / ITMO University	1,20	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg
Финансовый университет / Financial University under the Government of the Russian Federation	1,14	г. Москва / Moscow
СПбГУ (Горный институт) / Saint Petersburg Mining University	1,14	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg
РУТ (МИИТ) / Russian University of Transport (MIIT)	1,01	г. Москва / Moscow
СПбГУ / St. Petersburg State University	0,89	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg
МГЮА / Kutafin Moscow State Law University	0,76	г. Москва / Moscow
СПбЭУ / Saint-Petersburg State Economic University	0,76	г. Санкт-Петербург / St. Petersburg
МГТУ им. Баумана / Bauman Moscow State Technical University	0,76	г. Москва / Moscow

Наличие финансового ресурса во многом предопределяет склонность к переезду [2, с. 105], однако по сравнению с ними категория «высокобалльников» более гибка и мобильна, абитуриенты готовы ехать в большей мере за образованием, а не за «столичным» статусом.

В исследованиях до 2020 г. рассматривалось в основном два основных пика миграции молодежи – «школа – вуз» и «вуз – рынок труда» [26]. В «постковидных» условиях фокусы исследования меняются, необходимо учитывать «транзитную» составляющую [27], что во многом было вызвано последствиями «постсоветской» системы бюрократического управления образованием. В советский период плановое регулирование потока специалистов («восточный дрейф») требовало больших организационных и финансовых затрат [28, с. 96–97].

«Западный дрейф» подстегивала политика по оптимизации количества вузов и филиалов [2, с. 110]. На протяжении данного периода времени устанавливались «гарантии финансового обеспечения и рассчитывались контрольные цифры приема [17, с. 7–8]. В результате сложились существенные риски доступности высшего образования [17, с. 9].

На статистических данных мы видим, что 17–19-летние представители молодежи приехали на обучение в Республику Мордовия из других регионов. Есть несколько причин, способных объяснить данную ситуацию:

- пандемия COVID-19, обострение международной ситуации, рост намерений «подыскивать места обучения поближе»;
- целенаправленная государственная образовательная политика по увеличению контрольных цифр приема в крупные региональные вузы, которая, очевидно, продолжится¹⁸; «для корректировки допущенных ведомственных “перегибов” по сокращению вузов в 2010-х годах» [28, с. 98];
- возможность подать заявление на прием в несколько вузов онлайн¹⁹, которая существенно увеличивает возможности образовательной мобильности в целом по стране.

¹⁸ О предложениях по контрольным цифрам приема на 2023/24 учебный год : Письмо Минобрнауки России от 25 окт. 2021 г. № МН-5/3331-ДА; О контрольных цифрах приема на 2023/24 учебный год : Письмо Минобрнауки России от 29 сент. 2021 г. № МН-5/3102-ДА.

¹⁹ Положение о функционировании суперсервиса «Поступление в вуз онлайн» в рамках приемной кампании 2022/23 учебного года; О функционировании суперсервиса «Поступление в вуз онлайн» в рамках приемной кампании 2022/23 учебного года : Постановление Правительства Рос. Федерации от 27 мая 2022 г. № 958.

Обсуждение и заключение. На основании результатов исследования сделаем следующие выводы: выпускники-медалисты из Республики Мордовия менее склонны к переезду по сравнению с высокобалльниками и олимпиадниками; уезжают в Москву для поступления на престижные специальности в первую очередь победители олимпиад; выпускники-высокобалльники имеют более обширную географию миграции.

Республика Мордовия долгое время относилась к «регионам-донорам». В 2000-х и особенно середине 2010-х гг. исследования предполагали довольно негативные выводы [26; 29]. Эта позиция абсолютно не уникальная и характерна, по материалам публикаций прошлого десятилетия, для регионов Дальневосточного федерального округа [30] или, если брать пример из «донорских» регионов ПФО, для Республики Башкортостан [31].

В настоящее время имеются определенные условия, включая «постковидные» изменения в миграционных потоках [32], которые могут поспособствовать переходу Республики Мордовия к новому состоянию. В предшествовавших исследованиях Республика Мордовия тоже относилась к «транзитному» типу [17, с. 26].

Достижение «балансового состояния» также возможно. Для этого, помимо улучшения социально-экономических условий и повышения уровня инновационной активности региона, качества образования, необходимо построение обширных связей и образовательных коопераций, развитие горизонтальной академической мобильности, участие в сетевых формах образовательной деятельности.

Стоимость жизни в Республике Мордовия существенно ниже, чем в столичных регионах. Поэтому при увеличении уровня заработных плат и при увеличении уровня инновационной активности региона, развития городской среды регион может претендовать на внимание мигрантов. Идеальный вариант развития для транзитной территории – это не миграционный хаб, где время пребывания ограничено, а «транзитный кластер», обеспечивающий новые эмоции, впечатления, знания, способствующий восстановлению здоровья, снятию нервного перенапряжения в «регионах-воротах».

Негативное отношение к образовательной миграции, рассматриваемое в некоторых исследовательских работах [33], – контрпродуктивно. В целом для Российской Федерации характерны последствия выхода из «демографической ямы»; в ближайшее время стоит ожидать увеличение численности 18-летних [20, с. 15], что подстегнет и востребованность вузов, и образовательную миграцию. В плане развития высшего образования необходимо учитывать три основных фактора миграционной привлекательности: академическую среду, академическую успеваемость и академическое благополучие, влияющие на их образовательный успех в высшем образовании [34]. Предложенные инициативы и количественные характеристики можно использовать для планирования развития инфраструктуры университетов на территории Республики Мордовия и соседних регионов, повышения факторов привлекательности образовательной миграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корепина Т. А. Место и роль образовательной миграции в общей классификации видов миграционного движения населения // Вестник НГУЭУ. 2018. № 3. С. 65–77. URL: <https://nsuem.elpub.ru/jour/article/view/1319> (дата обращения: 22.08.2022).

2. Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах // Н. К. Габдрахманов [и др.] // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 88–116. doi: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-88-116>
3. Плотников В. А. Цифровизация как закономерный этап эволюции экономической системы // Экономическое возрождение России. 2020. № 2 (64). С. 104–115. doi: <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2020-2-64-104-115>
4. Печаткин В. В. Формирование и развитие цифровой экономики в России как стратегический приоритет развития территорий в условиях пандемий // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 2. С. 837–848. doi: <https://doi.org/10.18334/vinec.10.2.110187>
5. Томашевский К. Л. Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспекты) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11, № 2. С. 398–413. doi: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.210>
6. Лев М. Ю., Лещенко Ю. Г. Цифровая экономика: на пути к стратегии будущего в контексте обеспечения экономической безопасности // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 1. С. 25–44. doi: <https://doi.org/10.18334/vinec.10.1.100646>
7. Кужелева-Саган И. П., Спичева Д. И. Феномен цифрового кочевничества в современном междисциплинарном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 72–87. doi: <https://doi.org/10.17223/15617793/454/9>
8. Добринская Д. Е. О феномене цифрового кочевничества // ЭКО. 2020. № 2 (548). С. 37–59. doi: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-2-37-59>
9. Van Dijk J. The Network Society: Social Aspects of New Media. 2nd ed. Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 2006. 292 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=b7ktTPViiYMC> (дата обращения: 22.08.2022).
10. Zhalnina K. International Educational Migration: Case of Kazakhstan // Eurasian Journal of Economic and Business Studies. 2021. Vol. 3, no. 61. Pp. 62–78. doi: <https://doi.org/10.47703/ejeb.v3i61.58>
11. Nguyen Minh Huyen T. Educational Migration in Vietnam: Challenges and New Opportunities // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2, № 1. С. 127–141. doi: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.10>
12. Educational Selectivity of Native and Foreign-Born Internal Migrants in Europe / M. González-Leonardo [et al.] // Demographic Research. 2022. Vol. 47. Pp. 1033–1046. doi: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2022.47.34>
13. Wallerstein I. The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Six-Teenth Century. University of California Press., 2011. 440 p. URL: <https://www.jstor.org/stable/10.1525/j.ctt1pnrj9> (дата обращения: 22.08.2022).
14. Трофимова О. В. Европейские подходы к теориям миграции: особенности формирования // Общественные науки и современность. 2020. № 5. С. 53–66. doi: <https://doi.org/10.31857/S086904990011155-2>
15. Сергеев В. М., Казанцев А. А., Медведева С. М. Территориальная неоднородность глобализации и порождаемые ею типы конфликтов // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 44–61. doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.04>
16. Казанцев А. А., Сергеев В. М. Кризис «американоцентричной» глобализации: причины, тенденции, сценарии развития // Вестник МГИМО Университета. 2020. Т. 13, № 2. С. 40–69. doi: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-2-71-40-69>
17. Габдрахманов Н. К., Никифорова Н. Ю., Лешуков О. В. «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России // Современная аналитика образования. 2019. № 5 (26). С. 4–42. EDN: **DKZGMI**
18. Нежданов В. А. Парадоксы статистики миграции населения региона // Регионоведение. 2017. Т. 25, № 2 (99). С. 279–293. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1598> (дата обращения: 22.08.2022).
19. Фофанова К. В., Сычев А. А. Факторы миграционной привлекательности провинциального города (на примере г. Саранска) // Регионоведение. 2019. Т. 27, № 4 (109). С. 756–778. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.109.027.201904.756-778>
20. Бареев М. Ю., Курмышкина О. Н. Внешняя миграция как потеря социального капитала в региональном социуме // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 1. С. 31–54. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.031-054>

21. Яковлева Е. Б. История и теории миграционных процессов // Теория и практика общественного развития. 2017. № 3. С. 20–23. doi: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.3.2>
22. Potančoková M., Stonawski M., Gailey N. Migration and Demographic Disparities in Macro-Regions of the European Union, a view to 2060 // Demographic Research. 2021. Vol. 45. Pp. 1317–1354. doi: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2021.45.44>
23. Wassink J. T., Viera J. A. Does Parental Migration during Childhood Affect Children’s Lifetime Educational Attainment? Evidence from Mexico // Demography. 2021. Vol. 58, issue 5. Pp. 1765–1792. doi: <https://doi.org/10.1215/00703370-9411336>
24. Санникова О. В., Хотинец В. Ю. Транзитный университет как фактор межрегиональной образовательной миграции // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27, № 1. С. 41–45. URL: <https://journals.udsu.ru/philosophy-psychology-pedagogy/article/view/683> (дата обращения: 22.08.2022).
25. Очирова Г. Н. Образовательная миграция из Республики Бурятия: факторы, масштабы и направления // Вестник университета. 2021. № 4. С. 181–188. doi: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-4-181-188>
26. Сычев А. А., Борисов Д. М. Оценка миграционного настроения молодежи в регионе (на примере Республики Мордовия) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 11. С. 163–173. doi: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-11-14>
27. Корепина Т. А., Леонидова Г. В. Образовательные факторы миграции населения (на примере Вологодской области) // Социальное пространство. 2018. № 2 (14). doi: <https://doi.org/10.15838/sa.2018.2.14.2>
28. Образовательная миграция в регионах ресурсного типа / М. В. Курбатова [и др.] // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31, № 1. С. 91–112. doi: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-91-112>
29. Фофанова К. В., Шубина Е. Ю. Социальное настроение и миграционные намерения молодежи Республики Мордовия (социологический анализ) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 12. С. 170–180. doi: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-12-17>
30. Резниченко А. П. Образовательные стратегии и образовательная миграция: пример Дальневосточного региона // Проблемы высшего образования. 2015. № 1. С. 84–86. EDN: VPSNTN
31. Атаева А. Г., Уляева А. Г. Межрегиональная молодежная миграция как угроза утери человеческого капитала территории (на материалах Республики Башкортостан и регионов Приволжского федерального округа) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 44. С. 38–57. doi: <https://doi.org/10.17223/19988648/44/2>
32. Рязанцев С. В., Очирова Г. Н. Трансформация международной образовательной миграции во время пандемии COVID-19 // Социальное пространство. 2021. Т. 7, № 4. doi: <https://doi.org/10.15838/sa.2021.4.31.3>
33. Трофимова Н. В., Мамлеева Э. Р., Сазыкина М. Ю. Образовательная миграция как угроза для устойчивого развития территории // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2019. № 3 (38). С. 66–72. doi: <https://doi.org/10.18323/2221-5689-2019-3-66-72>
34. Makrooni G., Ropo E. Academic Learners in Finland: The Experiences and Perceptions of First-Generation Migrant Family Students in Higher Education // Journal of Ethnic and Cultural Studies. 2021. Vol. 8, no. 1. Pp. 85–106. doi: <https://doi.org/10.29333/ejecs/597>

Поступила 02.09.2022; одобрена после рецензирования 05.10.2022; принята к публикации 17.10.2022.

Об авторе:

Дождиков Антон Валентинович, кандидат политических наук, магистр истории, специалист по науке о данных, независимый исследователь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1069-1648>, antondnn@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Korepina T.A. Place and Role of Educational Migration in General Classification of Types of Migration Movement of the Population. *Vestnik NSUEM*. 2018;(3):65–77. Available at: <https://nsuem.elpub.ru/jour/article/view/1319> (accessed 22.08.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Gabdrakhmanov N.K., Karachurina L.B., Mkrtychyan N.V., Leshukov O.V. Educational Migration of Young People and Optimization of the Network of Universities in Cities of Different Sizes. *Educational Studies*. 2022;(2):88–116. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-88-116>
3. Plotnikov V.A. Digitization as a Logical Stage in the Evolution of an Economic System. *Economic Revival of Russia*. 2020;(2):104–115. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2020-2-64-104-115>
4. Pechatkin V.V. Formation and Development of the Digital Economy in Russia as a Strategic Priority for the Development of Territories in the Context of Pandemics. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2020;10(2):837–848. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.18334/vinec.10.2.110187>
5. Tomashevsky K.L. Digitalization and its Impact on the Labour Market and Employment Relations (Theoretical and Comparative Legal Aspects). *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2020;11(2):398–413. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.210>
6. Lev M.Yu., Leshchenko Yu.G. The Digital Economy: Towards a Strategy for the Future in the Context of Economic Security. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2020;10(1):25–44. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.18334/vinec.10.1.100646>
7. Kuzheleva-Sagan I.P., Spicheva D.I. The Phenomenon of Digital Nomadism in the Modern Interdisciplinary Discourse. *Tomsk State University Journal*. 2020;(454):72–87. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17223/15617793/454/9>
8. Dobrinskaya D.E. On Phenomenon of Digital Nomadism. *ECO*. 2020;(2):37–59. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-2-37-59>
9. Van Dijk J. *The Network Society: Social Aspects of New Media*. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications; 2006. Available at: <https://books.google.ru/books?id=b7ktTPViYMC> (accessed 22.08.2022).
10. Zhalnina K. International Educational Migration: Case of Kazakhstan. *Eurasian Journal of Economic and Business Studies*. 2021;3(61):62–78. doi: <https://doi.org/10.47703/ejeb.v3i61.58>
11. Nguyen Minh Huyen T. Educational Migration in Vietnam: Challenges and New Opportunities. *DEMIS. Demographic Research*. 2022;2(1):127–141. doi: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.1.10>
12. González-Leonardo M., Bernard A., García-Román J., López-Gay A. Educational Selectivity of Native and Foreign-Born Internal Migrants in Europe. *Demographic Research*. 2022;47:1033–1046. doi: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2022.47.34>
13. Wallerstein I. *The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. University of California Press.; 2011. Available at: <https://www.jstor.org/stable/10.1525/j.ctt1pnrj9> (accessed 22.08.2022).
14. Trofimova O.V. European Approaches to Theories of Migration: Specifics of Formation. *Social Sciences and Contemporary World*. 2020;(5):53–66. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.31857/S086904990011155-2>
15. Sergeev V.M., Kazantsev A.A., Medvedeva S.M. Territorial Heterogeneity of Globalization and the New Types of Conflicts. *Polis. Political Studies*. 2020;(1):44–61. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.04>
16. Kasantsev A.A., Sergeev V.M. The Crisis of US-centric Globalization: Causes, Trends and Scenarios of Development. *MGIMO Review of International Relations*. 2020;13(2):40–69. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-2-71-40-69>
17. Gabdrakhmanov N.K., Nikiforova N.Yu., Leshukov O.V. Educational Migration of Youth in Russia. *Sovremennaya analitika obrazovaniya*. 2019;(5):4–42. (In Russ., abstract in Eng.). EDN: DKZGMI
18. Nezhdanov V.A. Paradoxes of Migration Statistics of the Population of a Region. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2017;25(2):279–293. Available at: <https://regionsar.ru/node/1598> (accessed 22.08.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
19. Fofanova K.V., Sychev A.A. Factors in Migration Attractiveness of a Provincial City: The Case Study of the City of Saransk. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2019;27(4):756–778. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.109.027.201904.756-778>

20. Bareev M.Yu., Kurmyshkina O.N. External Migration and Loss of Social Capital in the Regional Society. *Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2022; 30(1):31–54. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.031-054>
21. Yakovleva E.B. History and Theory of Migration Processes. *Theory and Practice of Social Development*. 2017;(3):20–23. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.3.2>
22. Potančoková M., Stonawski M., Gailey N. Migration and Demographic Disparities in Macro-Regions of the European Union, a view to 2060. *Demographic Research*. 2021;45:1317–1354. doi: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2021.45.44>
23. Wassink J.T., Viera J.A. Does Parental Migration during Childhood Affect Children's Lifetime Educational Attainment? Evidence from Mexico. *Demography*. 2021;58(5):1765–1792. doi: <https://doi.org/10.1215/00703370-9411336>
24. Sannikova O.V., Khotinets V.Yu. Transit University as a Factor of Interregional Educational Migration. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2017;27(1):41–45. Available at: <https://journals.udsu.ru/philosophy-psychology-pedagogy/article/view/683> (accessed 22.08.2022). (In Russ., abstract in Eng.)
25. Ochirova G.N. Educational Migration from the Republic of Buryatia: Factors, Scale and Directions. *Vestnik Universiteta*. 2021;(4):181–188. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-4-181-188>
26. Sychev A.A., Borisov D.M. Evaluation of Migration Intentions of the Youth in Region (by the Example of Republic of Mordovia). *Russian Journal of Education and Psychology*. 2015;(11):163–173. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-11-14>
27. Korepina T.A., Leonidova G.V. Educational Factors in Population Migration (Case Study of the Vologda Oblast). *Social Area*. 2018;(2). (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15838/sa.2018.2.14.2>
28. Kurbatova M.V., Donova I.V., Kranzeeva E.A., Leukhova M.G. Educational Migration in Resource-Extracting Regions. *Universe of Russia*. 2022;31(1):91–112. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-91-112>
29. Fofanova K.V., Shubina E.Yu. Social Mood and the Migration Intentions of Youth in the Republic of Mordovia (Sociological Analysis). *Russian Journal of Education and Psychology*. 2015;(12):170–180. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2015-12-17>
30. Reznichenko A. P. [Educational Strategies and Educational Migration: An Example of the Far East Region]. *Problemy vysshego obrazovaniya*. 2015;(1):84–86. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: VPSNTN
31. Ataeva A.G., Ulyaeva A.G. Modern Trends and Factors of Inter-Regional Migration of Youth in Russia). *Tomsk State University Journal of Economics*. 2018;(44): 38–57. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17223/19988648/44/2>
32. Ryazantsev S.V., Ochirova G.N. Transformation of International Educational Migration during the COVID-19 Pandemic. *Social Area*. 2021;7(4). (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15838/sa.2021.4.31.3>
33. Trofimova N.V., Mamleeva E.R., Sazykina M.Y. Educational Migration as a Threat to Sustainable Development of a Territory. *Science Vector of Togliatti State University. Series: Economics and Management*. 2019;(3):66–72. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.18323/2221-5689-2019-3-66-72>
34. Makrooni G., Ropo E. Academic Learners in Finland: The Experiences and Perceptions of First-Generation Migrant Family Students in Higher Education. *Journal of Ethnic and Cultural Studies*. 2021;8(1):85–106. doi: <https://doi.org/10.29333/ejecs/597>

Submitted 02.09.2022; revised 05.10.2022; accepted 17.10.2022.

About the author:

Anton V. Dozhdikov, Cand. Sci. (Political Science), Master of History, Specialist in Data Science, Independent Researcher, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1069-1648>, antondnn@yandex.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.